

На южном прибрежном шоссе Хучэна, на Дунлинь-лу, рядом с Глобальной киностудией, плавно остановился неброский фургон. Тут же с характерным звуком сдвинулась задняя дверь, и из неё один за другим высыпали молодые парни. Все были одеты в футболки красно-черной расцветки, высокие и подтянутые. Особенно выделялся тот, кто вышел последним — с яркой внешностью и выдающейся аурой. Стоило ему встать у обочины, как он тут же напомнил бы звезду на каком-нибудь светском мероприятии.

Вскоре с пассажирского сиденья выбрался ещё один человек — с деловой короткой стрижкой, в чёрном костюме, с папкой и чёрной перьевой ручкой в руках. Это был не кто иной, как менеджер команды VK, менеджер Чэнь. Поправив воротник, он повёл пятерых участников VK вглубь киностудии.

— Менеджер Чэнь, раньше же всегда в студии снимали, с чего вдруг приехали сюда? Я-то думал, по бырому отстреляемся — и обратно стримить, — заговорил помогающий игрок команды, вышагивая развязанной походкой и пытаясь забросить руку кому-то на плечо, но роста чуть-чуть не хватило, так что он скорее повис на чужом плече.

— Нам сказали, что в студии сегодня внезапно снимают какую-то съёмочную группу, и предложили перенести время, но я подумал, что у нас всё равно свободно, и договорился сняться прямо здесь, — менеджер Чэнь шёл вперёд, даже не оборачиваясь. — Быстрее закончим — раньше вернемся к тренировкам. Хотя весенний сплит только что закончился, до чемпионата мира осталось не так уж много времени.

— А-а-х! — Су Юй издал мученический восток в небеса, и его голова безвольно качнулась к шее соседа. Потеряв равновесие, он получил тычок от Хань Чэна, который мимоходом оттолкнул его подальше.

Хань Чэн бросил:

— Не достаёшь — не лезь.

Су Юй обиделся:

— Тьфу, да ты выше меня всего на какие-то жалкие сантиметры. Я особо и не рвался на тебе виснуть.

Хань Чэн:

— Ну да, всего на восемь сантиметров выше. Вот и не лезь.

Су Юй:

— А вот и нет, буду лезть! Чего это ты меня не обнимаешь?

Мидлер Цзян Чэ вразвалочку подошёл и сам притянул Су Юя к себе:

— Он не обнимает — я обниму. Пошли, братишка, с братом пойдёшь, нечего тут рушить холодный и неприступный образ Сяо Ханя. Хи-хи.

— О? — Су Юя вот так просто взяли в оборот и увели в другую сторону.

Цзян Чэ продолжал:

— У нас в команде три бревна: брат уйдёт — не зачахнешь тут от депрессии? Бедненький.

Су Юй:

—

Бревно номер один Хань Чэн сообщение прочитал и проигнорировал, бревно номер два Чэнь Юй прочитал, но не знал, что ответить, бревно номер три находилось вне сети.

И Хань плелся далеко позади всей группы, глядя в экран системы видеонаблюдения у собственного дома, с непонятными нотками во взгляде.

— Снято! Ван Чэнь, только что ракурс был не тот, при перемещении сместись правее и отыграй естественнее. Сюй Тяньюй, вложи больше силы в движение! Все службы, внимание, дубль!

Шла сцена драки: юный хулиган Сюй Тяньюй с компанией лупит Ван Чэня. По сюжету Сюй Тяньюй с корешами завалился в игровой зал, где Ван Чэнь подрабатывал, между ними вспыхнула ссора, после чего Сюй Тяньюй разнёс всё заведение и избил парня.

У Яна прижали к полу и мутузили несколько человек. На его лице красовались не столько актёрские навыки, сколько самые искренние, неподдельные эмоции.

Режиссёр сидел перед монитором, неотрывно глядя в экран. Ему даже не нужно было оборачиваться, чтобы физически ощущать, как мрачнеет лицо сидящего рядом Ши Цюэ, источая тяжелую, давящую атмосферу.

— Чего, жалко? Жалеешь — не приводил бы.

Лицо Ши Цюэ сделалось ещё чернее. Он вспомнил, как в прошлом месяце У Ян теребил его за рукав и уверял, что обожает эту роль. Как тот не отступался, даже когда Ши Цюэ

неоднократно повторял, что этому персонажу придётся только и делать, что огребать. И сыпал звонким «братик-братик-братик», пока Ши Цюэ напрямую не растаял и не согласился. И вот теперь пожалуйста: сидит тут после выволочки, надувшись, с упрямым выражением лица у этого вредного пацана. А сердце-то сжимается от жалости у самого Ши Цюэ.

— Снято! Этот дубль засчитан!

Режиссёр оторвался от монитора, снова заглянул в объектив на это искажённое от боли и всё ещё непокорное лицо и вздохнул:

— Какое сокровище откопали. Всё-таки новичков снимать — одно удовольствие: никакой фальши, чистая органика. Только посмотрите на эту физиономию — на фоне грязи сорная трава меркнет, но ещё сильнее трогают за душу цветы, пробивающиеся сквозь грязь и мусор.

Ши Цюэ вовсе не собирался слушать этот его высокопарный бред. Нахмурившись, он подошёл к упомянутому «цветку», который всё ещё сидел посреди грязи:

— Поднимайся.

У Ян опустил голову и морщился от боли — сцену переснимали уже раз сто, кулаки раз за разом прилетались ему в левую скулу. Удары были не тяжёлыми, но попробуй вытерпи такое количество дублей.

В этот момент он услышал раздражённое «поднимайся». Кай-кай тоже подбежал и крикнул стоявшему рядом парню: «Учитель Ши!».

— Вставай.

Ши Цюэ не церемонясь протянул руку и поднял У Яна на ноги.

— Ой-ой-ой! — У Ян, стоило ему подняться, тут же отдёргнулся и обнаружил на руке синяк.

— Это ещё что такое? — брови Ши Цюэ сошлись на переносице так плотно, что там запросто мог бы придавиться комар. — И лицо...

— Да фиг с ним, наверное, случайно ударился обо что-то, — У Ян опустил взгляд и потрогал синяк на руке. Похоже, кто-то из массовки ущипнул его во время драки. Какая гопота додумается бить людей, щипая за мясо на руке? Что за бабские замашки? К тому же его прижали к полу и ущипнули исподтишка.

Тц, похоже, кто-то вставляет палки в колёса.

— Отведи его обработать раны.

— Хорошо, учитель Ши. Пойдёмте, братец У Ян.

Кай-кай попытался поддержать парня под локоть, но У Ян слегка отстранился, так что тому пришлось просто идти впереди, показывая дорогу в гримёрку.

Ши Цюэ проводил взглядом У Яна, который ушёл, даже не удосужившись окликнуть его по имени, зло скрипнул зубами и, плюнув на окружающую толпу зевак с разной степенью фальши во взгляде, устроился в кресле возле режиссёра, прикрыв глаза в притворном дреме.

— И ты вот так при всех светишься, не боишься, что в съёмочной группе кто-нибудь решит испортить ему жизнь? — режиссёр сделал глоток травяного чая. Горло в этой профессии садилось на раз.

— Не посмеют, — не открывая глаз, бросил Ши Цюэ.

— Хм, посметь-то они не посмеют сделать это у тебя на глазах, но они же понятия не имеют, что он твой брат, — режиссёр уже давно варился в этой каше и чего только не повидал — счет шёл на десятки, если не на сотни тысяч подобных гадостей.

— Вот пусть и учится на собственном опыте, в другой раз неповадно будет соваться куда не просят ради развлечения.

— Тебе разве не жалко? Бывало же, в детстве притаскивал его на съёмочную площадку крошечные роли играть, так ты за ним следил, как за зеницей ока. Пяти-шестилетний малыш ещё ладно, ему не завидовали, спишем на то, что ты просто тискал человеческого детёныша, но сейчас он вырос, тут всё иначе, — в словах режиссёра сквозил глубокий подтекст.

— Бред какой-то, — разве Ши Цюэ сам не понимал? Просто те, у кого нет ни ума, ни таланта, а хватает усердия только на подобные низкопробные грязные методы — просто больные на голову.

— И всё же, чего греха таить, у твоего братца есть искра. Если его немного ограничить, да добавить такую внешность — глядишь, вырастим из него второго тебя. Точно не думаешь пристроить его в шоу-бизнес?

— Забудь, исключено. Покрутиться у меня под боком ещё куда ни шло, но о большем пусть даже и не мечтать.

Ши Цюэ натянул на лицо кепку, давая понять, что разговор окончен.

Режиссёр с улыбкой покачал головой: ну настоящий брат-параноик.

Стоило У Яну вернуться в гримёрку, как его окружили несколько девушек-гримёрш, устроив допрос с пристрастием и завалив заботливыми вопросами. У Ян выдал фирменный комбо-набор: кивок, покачивание головой, улыбка, смех и дежурное «спасибо, сестрички». Наконец, сославшись на то, что у всех полно дел, его оставили в покое, велев немного отдохнуть перед следующей сценой.

О боже! Знает ли петух, когда светает, но он больше не хочет в этом участвовать, и кто вообще решает такие вопросы?

Сначала лупят хулиганы, потом лупят хулиганы, а после того, как хулиганы закончат лупить, за дело берётся босс.

В следующей сцене «Ван Чэня» ждала тзбучка от хозяина игрового зала: всю месячную зарплату у него отобрали в качестве компенсации за ущерб, а самого вышвырнули вон без единой монеты в кармане. В финале он должен был с жалкой сумочкой плюхнуться прямо на асфальт в узком переулке, глядя, как солнечные лучи ложатся к его ногам, дюйм за дюймом превращаясь в золотистые нити, утончаясь, удлиняясь и наконец растворяясь.

У Ян устроился на земле, приняв нужную позу. Декорации в этом павильоне подобрали неплохие, от них прямо везло атмосферой того самого городка, где он жил в прошлой жизни — такой же обветшалый и отсталый.

Прямо над головой крутился красный с синим полосатый цилиндр, неизменный атрибут парикмахерских. Казалось, у местных жителей вечно не было денег: уехать на заработки в другие края казалось трудновыполнимой задачей, а найти работу дома — и того сложнее.

У Яна в прошлой жизни не было ни отца, ни матери, никто о нём не заботился, и чтобы просто добыть себе кусок хлеба, приходилось преодолевать трудности, умноженные на сто.

Помню, как-то раз он точно так же сидел на каменных ступенях. В те моменты в голове крутилось лишь одно: ради чего он вообще живёт и сможет ли выкарабкаться?

На лице печать полного отчаяния, вроде бы и помирать не хочется, но и жить сил нет, а на дне этой растерянности сквозит упрямая злость.

Летом ещё куда ни шло, голод — это полбеды, но вот пережить зиму — настоящее испытание.

— Снято! Отлично! Ван Чэнь снят! На сегодня всё, во время заката доснимем ещё один небольшой фрагмент. Готовьтесь к следующей сцене! — режиссёр едва ли не в восторге

подскочил на месте, яростно потирая ладони.

— Отлично, просто великолепно, потрясающе! Ты видел этот кадр только что? Ну просто загляденье! — режиссёр отмотал запись назад, чтобы ещё раз взглянуть на взгляд, принадлежавший «Ван Чэню». — Признавайся, ты тайком натаскивал братца? Или у вас в семье и вправду передаётся ген актёрского мастерства?

— А вот и да, передаётся, — хотя на долю секунды Ши Цюэ даже показалось, будто У Ян и вправду пережил что-то подобное в прошлом. Только что перед ним стоял живой Ван Чэнь собственной персоной — измученный и испытанный невзгодами подросток.

Но разве такое возможно? Дома этот малец вёл себя хуже императора, разве что на голову ему не садился.

Поэтому Ши Цюэ вполне закономерно рассудил: ну конечно, в кого ему ещё быть таким — актёром пошёл в него, играет так же безупречно.

— Тебя никто не хвалит, угомони уголки рта. Твоя сцена следующая, иди готовься.

— Угу.

<http://bllate.org/book/21837/2263013>